

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ для всѣхъ

1915 г.

МАРТЪ

№ 3

НОВЫЯ КНИГИ.

Письма А. П. Чехова. Т. V. „Письма — это неудачная, скучная форма,... но я говорю про тонъ, искреннее, почти страстное чувство, изящную фразу“.

Слова эти, взятые изъ письма Чехова къ А. А. Авиловой и относящіяся къ ея литературному произведению, какъ нельзя лучше характеризуютъ письма самого Антона Павл., въ томъ числѣ и V-й томъ ихъ, недавно появившійся въ печати. „Скучная форма“, въ которую вмѣстились всѣ мелочи повседневной жизни, вопросы и указанія чисто практическаго характера, поклонны, поздравленія и т. п., утомляетъ иногда вниманіе читателя, но имѣетъ за собой и неоспоримое достоинство: благодаря именно этой формѣ, полной непринужденности и простоты, передъ нами широко развертывается картина подлинной жизни автора, со всѣми ея крупными и малыми событіями, чувствами, переживаниями; встаетъ во весь ростъ живой, реальный, близкій человѣкъ, а не схематичный, всегда болѣе или менѣе условный образъ, даваемый биографіей.

„Искреннее, почти страстное чувство“ сказывается въ отношеніи Чехова къ болѣзненнымъ вопросамъ того времени: дѣло Дрейфуса, студенческіе безпорядки, литературскій „судъ чести“ и др.—все это находитъ горячіе отклики въ его письмахъ. Количество и разнообразіе темъ, затронутыхъ въ нихъ, такъ велико, что невозможно дать болѣе или менѣе полный ихъ перечень въ этой краткой замѣткѣ. 7-го апрѣля 1897 г. А. П. пишетъ Суворину: „Я презираю лѣнь, какъ презираю слабость и вялость душевныхъ движеній“ и эти слова вполне подтверждаются всей его жизнью. Письма отражаютъ его многостороннюю и напряженную дѣятельность, способную превысить силы даже здороваго человѣка, а Чеховъ въ то время (1897—1899 г.г.) былъ уже серьезно боленъ; здѣсь и литературный трудъ, и разнообразныя общественныя обязанности, и занятія медициной, и активная помощь близкимъ и „дальнимъ“, и т. д., и т. д.

Что касается презрѣнія Чехова къ „слабости и вялости душевныхъ движеній“, то справедливость этихъ словъ Суворину пришлось испытать на самомъ себѣ. Какъ ни прочны, казалось, были связывавшія ихъ обоихъ дружескія отношенія, Чеховъ разрывалъ ихъ— правда, безъ рѣзкости, совершенно несвойственной его натурѣ, но тѣмъ не менѣе вполне опредѣленно: послѣ дѣла Дрейфуса, въ которомъ „Новое Время“ вело себя „отвратительно и гнусно“, а Суворинъ оправдывалъ безтактность своей газеты тѣмъ, что онъ „любитъ военныхъ“, письма Антона Павловича къ „старіку“ принимаютъ сухо-дѣловой характеръ, и отъ прежней теплоты не остается и слѣда.

Въ книгѣ разбросана масса цѣнныхъ, интересныхъ мыслей о литературѣ, искусствѣ, театрѣ, политикѣ, интеллигенціи, писателяхъ и пр., и пр.,—мыслей, свидѣтельствующихъ объ изящномъ умѣ и необыкновенной нравственной красотѣ ихъ автора. Встрѣчаются и чисто художественныя сценки, описанія природы—типичныя „чеховскія“ миниатюры.

Кончаю эту замѣтку цитатой изъ письма Плещеева къ А. П. ¹⁾, кратко и вмѣстѣ точно передающей впечатлѣніе, остающееся у читателя отъ писемъ Чехова:

„Столько въ нихъ всегда мѣткого остроумія, такъ хороши ваши характеристики людей и вещей, что ихъ читаешь, какъ талантливое литературное произведеніе; и эти качества дѣлаютъ ваши письма очень цѣнными“.

А. В.

¹⁾ „Слово“, сборникъ II-й.